ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 342(470.62/.67)(091).001.73

ОСОБЕННОСТИ ПОСТСОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИК СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Айбатов М.М., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация, *aibatov52@yandex.ru*

В статье раскрываются особенности развития государственно-правовых институтов в республиках Северного Кавказа в постсоветский период, отмечается, что властно-клановые связи в органах власти в регионе до сих пор сохраняют более традиционный характер. Автор подчеркивает, что религиозный характер протестной идеологии на Северном Кавказе накладывает существенный отпечаток на характер социального идеала, систему представлений о желательном государственном устройстве, об организации правовой жизни общества. Отсутствие демократических модернизационных преобразований в регионе связано с тем, что там господствуют традиционные отношения, более того, в постсоветский период наблюдалась их архаизация.

Ключевые слова: Северный Кавказ, традиция, модернизация, национальные элиты, национальное квотирование, конфликтность, полиэтнический социум, коррупция, управляемость обществом, система власти.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-25-1-7-13

UDC 342(470.62/.67)(091).001.73

FEATURES OF THE POST-SOVIET STATE-LEGAL DEVELOPMENT OF THE NORTH CAUCASUS REPUBLICS

Aibatov M.M., Daghestan State University, Makhachkala, Russian Federation, *aibatov52@yandex.ru*

The article reveals peculiarities of development state and legal institutions in the republics of the Northern Caucasus in the post-Soviet period, it is noted that power-clan ties to authorities in the region still remain more traditional in nature. The author stresses that the religious nature of the protest ideology in the North Caucasus imposes a significant imprint on the character of a social ideal, a system of ideas about desirable political system, about the organization of society. The lack of democratic modernization reforms in the region is that there is the domination of traditional relations, moreover, in the post-Soviet period saw their archaism.

Key words: North Caucasus, tradition, modernization, national elite, national quotas, conflict, multi-ethnic society, corruption, control of the society, the system of government.

DOI: 10.21779/2224-0241-2018-25-1-7-13

В силу своего геополитического положения Северный Кавказ оказывает значительное влияние на политико-правовые процессы в современной Российской Федерации [1, с. 9].

Именно отсюда исходит наибольшее количество этноконфессиональных вызовов, как нигде, здесь за последние два десятилетия резко проявилось социальное расслоение полиэтнического социума на фоне экономического упадка, снизилась управляемость обществом, выросла массовая безработица и недоверие к властным структурам, тотальная коррупция во всех сферах общественной

жизни, что подтверждается социологическими исследованиями, проводимыми в регионе. Так, из 1987 респондентов принявших участие в опросе в ноябре 2016 г. в Дагестане, 91,4% опрошенных заявили, что они не довольны действиями органов власти [2], 94,2% отметили коррупционность в органах власти, а 75,9% – клановость в органах власти [3]. Главные причины экономических и социально-политических неурядиц в регионе – «от собственной бесхозяйственности, безграмотности и равнодушия к самочувствию людей» со стороны власти [4]. Поэтому теоретический анализ основ-

ных процессов, происходящих в государственно-правовом развитии региона, представляется весьма актуальной проблемой.

В регионе к числу республик с большим уровнем конфликтности, а также заметным внутренним разнообразием относится Дагестан. Однако высокий уровень конфликтности связан не столько с «естественным» разнообразием, сколько с конкретными обстоятельствами государственно-правового развития региона в конце XX – нач. XXI вв. В региональной элите 90-х годов XX в. сложился весьма неординарный «симбиоз» из советских управленцев и лидеров неформальных движений. Однако получившаяся система власти имела несколько особенностей, которые не только затруднили создание в Дагестане механизмов конкурентной смены власти даже в тот период, когда в других российских регионах они действовали, но и в целом сделали региональную властную элиту поистине герметичной, успешно сопротивляющейся любому модернизационному обновлению.

Эти особенности таковы: во-первых, этническое квотирование при распределении ключевых государственных должностей. Этот принцип отчасти действовал и в советское время, но его значимость в 1990-е заметно усилилась потому, что привлеченные во власть «неформалы» были в основном представителями этнических общественных движений: «раздел» должностей между ними рассматривался как распределение властного «пирога» между народами республики. Именно этот принцип в пору своего господства в 1990-е блокировал конкурентный, «меритократический» путь формирования элиты и утвердил иной путь, при котором должности во власти – это «кормления» и их следует распределять между различными группами претендентов, основываясь не на их способностях и опыте, а на каких-то других критериях; во-вторых, наличие силового ресурса у многих представителей властной элиты. Большинство «неформалов», оказавшихся во власти в 1990-е годы, имели собственные неофициальные вооруженные формирования, которые активно использовались не только для защиты своего лидера, но и для общего поддержания порядка в республике» [5, с. 8]. В отличие от Чечни 2000-х гг., в Дагестане силовой ресурс не был монополизирован, он и по сей день «распределен» между различными группами в местной элите (через контроль над ЧОПами, влияние в местных правоохранительных органах и т.д.). Кроме того, наличие у элиты силового ресурса оказало негативное влияние на принципы правового хозяйственного регулирования в регионе: когда судьба активов на деле определяется не правовыми средствами, а неформальной «силой», то есть, мотивация к укреплению правовых механизмов в хозяйственной сфере крайне слаба [6, с. 34]; в-третьих, ориентация элиты исключительно на рентную экономику, прежде всего на бюджетную ренту. Закрепившийся в 1990-х годах порядок, в

котором бюджетная рента является незаменимым источником благосостояния государственной элиты, не способствовал заинтересованности элиты в развитии человеческого капитала и создании необходимых для этого «карьерных лифтов» и главное «растоптано самое необходимое для правового общества – вера в честность власти» [7].

По своему современному общественно-правовому укладу от всех остальных республик СКФО существенно отличается Чеченская Республика. Одним из ощутимых результатов двух разрушительных войн в постсоветское время стало фактическое уничтожение существовавшей ранее региональной элиты, концентрировавшейся в городах, прежде всего, в Грозном. На момент начала мирного строительства в Чечне отсутствовала «клановая» система, в той или иной степени присутствовавшая в постсоветское время в других регионах Северного Кавказа. В определенной мере это давало чеченскому руководству больший уровень свободы: не было необходимости согласовывать интересы различных «кланов», учитывать их амбиции на государственную власть и т.д. Отсутствие «клановой» системы позволило создать в регионе карьерные лифты, по которым на высокие позиции в управлении и бизнесе можно продвигаться вне зависимости от своего социального положения и происхождения.

В политико-властном отношении Чечня отличается высокой концентрацией власти и ресурсов у лидера региона и его ближайшего окружения [8, с. 32]. Глава региона в большой степени контролирует и работающие в регионе силовые структуры, что недоступно другим руководителям северокавказских республик. В республике не развиваются механизмы политической конкуренции, а структуры гражданского общества, не получающие прямой поддержки власти, также крайне слабы и нередко испытывают давление, что не способствует «формированию гражданского общества и правового государства» [9, с. 17].

На фоне других северокавказских республик Ингушетия выделяется, с одной стороны, чрезвычайно большой сохранностью традиционных общественно-правовых норм на «низовом» уровне, а с другой стороны, существенной неопределенностью норм регулирования в сферах, связанных с властью и крупными активами. На сегодняшний день влияние традиционных правовых норм и родовых связей в Ингушетии во многом усиливается особенностями инфраструктуры и расселения.

Однако если от «бытового» уровня переходить к уровню политико-правовой жизни республики, то там роль традиционной общественной организации становится менее ясной. С одной стороны, семейные структуры выступают акторами во многих политически значимых процессах. С другой стороны, непосредственно при формировании органов власти и местного самоуправления тейповые структуры сколь-нибудь заметной роли не играют.

В целом республика в постсоветское время имела опыт выборов главы с весьма острой конкурентной борьбой, однако в настоящее время выборы разных уровней проходят в Ингушетии достаточно бесконфликтно, при строгом контроле со стороны исполнительной власти. Некоторые назначения в правительстве вполне укладываются в логику закрытой бюрократической системы, в то время как появление на министерских постах некоторых других назначенцев – ингушских предпринимателей, или управленцев, добившихся заметных успехов за пределами региона, говорит о попытках создания некоего подобия вертикальных лифтов в республиканской управленческой системе.

В отсутствие действующих демократических механизмов можно сказать, что традиционные фамильные структуры обеспечивают определенную форму общественного контроля за властью. Тейповая солидарность в настоящее время рассматривается многими в регионе как ограничитель для произвола чиновников, а также для любых форм насилия. В частности, в последние годы в регионе заметно уменьшилось число похищений людей и инцидентов с участием членов вооруженного подполья. Следует при этом отметить, что еще 5–6 лет назад регион этим похвастаться не мог. Вместе с тем, тейповая структура создает определенную «дистанцию» между Ингушетией и Россией в целом в отношении практик правоприменения. Сохраняющаяся традиция рассмотрения многих конфликтных вопросов [10, с. 38], в том числе связанных с преступлениями против личности, с участием старших родственников, разумеется, не вписывается в федеральное законодательство. Но масштабы этого явления, будучи значительнее, чем в других северокавказских республиках, все же не таковы, чтобы говорить о выпадении Ингушетии из российского правового пространства. В частности, практика «недоведения» дел до российского суда не распространяется на тяжкие преступления.

Касаясь особенностей становления гражданского общества в Ингушетии, следует отметить, что до середины 2000-х в регионе активно действовали представительства международных неправительственных организаций, занятые преимущественно помощью вынужденным переселенцам и популяризировавшие в Ингушетии новую для нее правовую культуру, в основе которой лежало знание гражданами перспективы обращения в официальные международные структуры с жалобами на действия должностных лиц. В настоящее время в регионе действуют исключительно местные правозащитные организации, получающие поддержку от правозащитного сообщества России. Взаимоотношения местных правозащитных организаций с региональной властью и силовыми структурами нельзя назвать простыми, хотя в разные периоды эти взаимоотношения складывались по-разному. На сегодняшний день, однако, во взаимоотношениях главы республики с правозащитниками наблюдает-

ся явное «похолодание» [11, с. 62], и одновременно у ведущих правозащитных структур региона имеются проблемы во взаимоотношениях с правоохранительными органами.

Из всех северокавказских республик наиболее жесткой моделью государственного управления отличается Кабардино-Балкарская Республика (далее – КБР), где система власти была выстроена под «первое лицо» с практически неограниченными полномочиями. Эта система сформировалась при президенте республики Валерии Кокове, занимавшем свой пост с 1992 по 2005 год. При последующих главах региона изменения этой системы коснулись в основном взаимоотношений главы региона с руководством силовых структур, особенно республиканского МВД, которое во второй половине 2000-х временно вышло из-под неформального контроля региональной власти. Контроль главы региона за выборами, за ключевыми экономическими активами, за формированием местного самоуправления был и остается почти безраздельным.

Отсутствие в КБР неформальной «демократии элит» можно объяснить несколькими причинами. Во многом эти причины связаны с конкретными политическими обстоятельствами, со значительными усилиями, которые приложил в 1990-е годы Валерий Коков для создания и укрепления режима единоличного правления. Он, в частности, последовательно не допускал прихода во власть неформальных лидеров 1990-х годов, имевших собственный силовой ресурс (в то время как в КЧР и Дагестане «кооптация» таких фигур в местную элиту и во власть имела довольно большие масштабы и во многом как раз предопределила устройство элит в тех республиках). Но задача по недопущению в КБР «демократии элит» облегчалась и характером того социума, который сложился в республике к моменту распада СССР. Во-первых, к тому времени в республике уже была во многом разрушена традиционная родовая социальная организация. Во-вторых, КБР – это регион, где массовая миграция в города прошла довольно давно, еще в советское время. В силу этого в КБР в меньшей степени, чем в других республиках, региональное руководство сталкивается с необходимостью учитывать особенности традиционного общественного уклада, которые во многом растворили в себе еще советская городская правовая культура. По своей политической структуре КБР напоминает многие российские регионы за пределами Северного Кавказа, где глава имеет возможность практически безраздельно контролировать местную властную элиту и экономические процессы.

Именно жесткая «вертикаль» власти в КБР, на наш взгляд, предопределила основные конфликтные сюжеты в ее постсоветской истории, как в политике, так и в некоторых сферах общественной жизни. Говоря о политической активности в регионе, важно отметить, что монополия власти не

привела к полному отсутствию политической борьбы, но это почти всегда (за исключением самого раннего постсоветского периода) была борьба между действующим главой и претендентом на его должность, имеющим поддержку на федеральном уровне. Тем самым в моменты борьбы за власть единая «вертикаль» в местной политике сменялась двумя «вертикалями», одна из которых была подконтрольна действующему главе, а другая – его конкуренту. В «вертикаль» конкурента входили в первую очередь общественные организации, выступающие от имени того или иного этноса. Они поднимали главным образом земельные проблемы, потому что в КБР имеется большой комплекс нерешенных вопросов, затрагивающих земельные интересы как кабардинских, так и балкарских сел. Однако, как только попытки сместить действующего главу региона прекращались, активность этих организаций также заметно шла на убыль (хотя проблемы, вокруг которых она строилась, в основном оставались нерешенными). Общественная деятельность, не зависящая от интересов главы региона и его конкурентов, в КБР представлена очень узким спектром активистов, в основном правозащитников, неоднократно испытывавших на себе давление со стороны власти.

Другое следствие монополизации власти в КБР – отсутствие «карьерных лифтов», возможностей для продвижения в управленческой сфере и бизнесе, не основанных на личных связях с представителями региональной власти. Это единственный регион, где уже в 1990-е практически абсолютное большинство адептов «нетрадиционного» ислама было объединено в одну общину с довольно жесткой внутренней организацией. С начала 2000-х региональные власти и силовики начали жесткое давление на радикальных мусульман, ответом которых было нападение групп боевиков на здания силовых структур в Нальчике 13 октября 2005 года. Борьба с вооруженным исламским подпольем в КБР привела к ликвидации его наиболее заметных лидеров и к общему сокращению численности боевиков, однако одновременно способствовала дальнейшей эскалации насилия в регионе.

Что касается межэтнической проблематики, то ее присутствие в КБР связано не только с тем, что этнические НКО периодически использовались в борьбе за власть в регионе. В КБР остается неразрешенным ряд земельных конфликтов, в особенности в горной местности и в пригородах столицы республики Нальчика. В основном эти конфликты связаны с землями, которые жители некоторого сельского поселения считают «исторически своими», но в силу тех или иных причин не имеют возможности их использовать или получать с них земельную ренту. Поскольку многие конфликты имеют место в той части республики, где большинство составляют балкарцы, большую активность в земельных вопросах проявляют именно балкарские общественные организации. В последнее время,

однако, на фоне попыток нового руководства республики найти пути решения земельных проблем, политическая напряженность вокруг земельных конфликтов уменьшается.

Сложностью национального состава (ни один из населяющих ее народов не образует 50% населения) и важностью этнического фактора в региональной политике отличается Карачаево-Черкесская Республика (далее – КЧР). В КЧР, в отличие от Дагестана, к сегодняшнему дню удалось заметно уменьшить угрозу насилия на религиозной и этнической почве, хотя 10–15 лет назад эта угроза была весьма велика. Но при этом если в Дагестане, особенно в его столице, активно формируются новые для Северного Кавказа, городские социально-правовые отношения, основанные на многообразии и конкуренции, то в КЧР этот процесс крайне замедлен: там даже в городах ключевую роль продолжают играть родственные, сельские связи, и не видно формирования им какой-либо альтернативы.

В первые постсоветские годы КЧР развивалась по «инерционному» сценарию: команде чиновников, занимавших высокие посты в регионе еще в 1980-е годы, после распада СССР, удалось сдержать кратковременный натиск этнических активистов, требовавших раздела региона на два национальных субъекта и вплоть до конца 1990-х сохранить в республике практически советскую модель управления. Однако 1999 год нанес по этой модели сокрушительный удар: первые общенародные выборы главы региона привели к жесткому противостоянию кандидатов, представлявших разные национальности, к мощной этнической мобилизации и прямой угрозе гражданской войны в республике, избежать которой удалось только после активного вмешательства федерального центра. Градус межнационального противостояния после выборной кампании быстро снизился, но структура региональной элиты существенно изменилась: в ней важную роль стали играть лидеры, имеющие поддержку со стороны этнических движений. Многие из них в советское время были «цеховиками». Сформировалась и существует по сей день некая модель «элитарной демократии», где компромиссы между ключевыми игроками чередуются с эпизодическими проявлениями насилия, не затрагивающими рядовых жителей. При этом бенефициары сложившейся системы не только удерживают за собой ключевые должности и лидирующие позиции в бизнесе, но и являются основными работодателями в регионе, тем самым обеспечивая себе лояльность основной массы населения. «Распределение» населения между группами, зависящими от разных представителей местной элиты, определяется, в основном, национальностью и родственными отношениями. Местный бизнес почти целиком находится под контролем наиболее влиятельных в регионе семей, сферы влияния между которыми довольно четко распределены. Наличие противо-

борствующих групп внутри элиты в определенный момент искусственно стимулировало гражданскую активность. Прежде всего, это было связано с тем, что вплоть до начала 2010-х годов внутриэлитная борьба обычно велась с привлечением средств публичной политики. Местные «олигархи» поддерживали деятельность независимых СМИ, общественных организаций и т.д. Кроме того, они соревновались в контроле над муниципальными образованияами, вследствие чего во главе городов и районов периодически оказывались люди, способные проводить политику, независимую от региональной власти.

Однако в самые последние годы, когда процесс выработки внутриэлитных договоренностей в основном переместился в непубличную сферу, стало ясно, что запрос на гражданскую активность в сфере медиа, местного самоуправления, развития общественных организаций в регионе присутствует слабо. Без заинтересованности со стороны противоборствующих элитных групп независимые СМИ практически прекратили свое существование, местное самоуправление перешло на позиции безусловной лояльности региональной власти (этому способствовали и уголовные дела против наиболее «несговорчивых» муниципалов), а приток молодежи в независимые от власти общественные организации невелик. Сектор НКО, ведущих самостоятельную деятельность без поддержки власти и «олигархата», в КЧР гораздо слабее, чем, например, в Дагестане и даже в Ингушетии. При этом наиболее заметные из имеющихся НКО позиционируют себя как этнические, выражающие интересы какого-либо отдельного народа. Общий низкий уровень гражданской активности может быть объяснен тем, что для большинства населения региона жизненные стратегии, основанные на лояльности какому-либо представителю местной элиты и встраивании в подконтрольную ему сферу хозяйственной деятельности, представляются удовлетворительными.

Позитивным опытом КЧР можно считать успешное преодоление насилия в религиозной сфере. Республика стабильно находится на одном из последних мест в СКФО по числу преступлений террористического характера и спецопераций. Не переходят в насильственную стадию и конфликты между разными группами мусульман. Это было достигнуто во многом благодаря политике республи-

канских властей, способствовавших «кооптации» в официальные исламские структуры мусульман разных направлений, в том числе и заметных молодежных лидеров. Сам по себе этот факт может быть ценен потому, что демонстрирует возможности сотрудничества граждан, находящихся на разных идейных платформах. Вместе с тем, задача примирения разных исламских направлений в КЧР выглядит значительно более легкой, чем, например, в Дагестане, где «нетрадиционный» ислам получает влияние из-за имеющегося запроса на идеологию общественного протеста, который в КЧР выражен слабо.

Таким образом, размывание и слом традиционных государственно-правовых отношений – наиболее яркая характеристика того, что происходит на Северном Кавказе в постсоветское время [12].

Северный Кавказ сейчас переживает один из наиболее масштабных переломных моментов в истории любого общества, связанный с размыванием традиционных отношений, активной урбанизацией и встраиванием в глобальный мир [13]. Именно с этим связана высокая конфликтность в регионе, привлекательность для молодежи радикальных идеологий [14, с. 329].

Важнейший фактор, который определяет ситуацию на Северном Кавказе, — государственная политика. В настоящий момент государство поддерживает традиционные институты: устоявшиеся клановые элиты, традиционный ислам, ограничивает действие общероссийских правовых норм, объясняя это «спецификой региона». При этом утверждения о «специфике» во многом являются предметом спекуляций и часто служат прикрытием интересов северокавказских элит. На Северном Кавказе необходимо создать предпосылки для реальной смены политических элит. В данный момент может создаться иллюзия, что этот процесс уже происходит в регионе, в частности, в Дагестане, поскольку возбуждены уголовные дела против глав крупных кланов. Однако система власти не меняется перестановкой отдельных фигур. Данный процесс, скорее, не разрушение клановой модели, а перераспределение силового ресурса в пользу тех кланов, которые оказались ближе к сегодняшней власти и больше в нее интегрированы.

Литература

1. Смирнов В.В. Государственно-правовое развитие современной России: вызовы и перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 1 (53). С. 8–26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25638839_79929025.pdf (дата обращения: 04.02.2017).
2. Доверяете ли Вы власти? // Черновик. 2017. 27 янв. URL: <http://chernovik.net/content/politika/doveryaete-li-vy-vlasti> (дата обращения: 04.02.2017).
3. В Москве – экстремизм... в Дагестане – терроризм // Черновик. 2017. 4 февр. 2017. URL: <http://chernovik.net/content/politika/v-moskve-ekstremizm-v-dagestane-terrorizm> (дата обращения: 16.02.2017).
4. Пролить слезы бесполезно // Черновик. 2017. 10 февр. URL: <http://chernovik.net/content/politika/prolivat-slyozy-bespolezno> (дата обращения: 11.02.2017).

5. *Айбатов М.М.* О некоторых причинах системного политико-правового кризиса на Северном Кавказе и пути его преодоления // Юридический вестник ДГУ. Т. 21. 2017. №1. С. 7–11.
6. *Попова А.В.* Гражданское общество и лоббизм как институты государственно-правового развития России // Юридическая мысль. 2014. № 6 (86). С. 34–38. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23035523_35383584.pdf (дата обращения: 04.02.2017).
7. *Абдулхабилов М.* Какая Россия пришла в Дагестан? Обращение к новому главе Дагестана. URL: <http://flnka.ru/digest-analytics/17144-kakaya-rossiya-prishla-v-dagestan-obraschenie-magomeda-abdulhabirova-k-novomu-glave-dagestana.html> (дата обращения: 20.12.2017).
8. *Желонкин А.Д.* Государственно-правовая функция консолидации современного российского общества: основные тенденции развития // Новый университет. Сер.: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. № 3–4 (72–73). С. 31–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-gosudarstva-i-prava-kak-osnova-integrativnogo-gosudarstvenno-pravovogo-vozdelystviya-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (дата обращения: 04.02.2017).
9. *Дроздова А.М.* Ценности гражданского общества и правовая культура // Юридический вестник ДГУ. Т. 22. 2017. № 2. С. 14–18.
10. *Галикеева И.Г.* Гражданское общество и проблемы государственно-правового развития // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 2. № 48. С. 38–43.
11. *Рувинский Р.З.* Проблемы государственно-правового развития России в условиях глобального кризиса // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 62–64.
12. *Айбатов М.М.* О роли морально-нравственных норм в регулировании общественных отношений народов Северного Кавказа: история и современность // Евразийский юридический журнал. 2016. №5. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8481:2016-11-14-09-45-59&catid=113:2010-06-22-05-55-3&Itemid=209 (дата обращения: 04.02.2017).
13. В карманах пусто, а в статистике – густо // Независимая газета. 2017. 5 янв. URL: http://www.ng.ru/editorial/2017-01-25/2_6911_red.html (дата обращения: 04.02.2017).
14. *Понарин П.В.* Террор как проблема государственно-правового развития: историко-правовой анализ // Деструктивное влияние террора на политическую систему и правовую среду Российского государства: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / под ред. О.И. Чердакова. 2017. С. 329–332.

References

1. *Smirnov V.V.* Gosudarstvenno-pravovoe razvitiye sovremennoi Rossii: vyzovy i perspektivy // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk. 2016. № 1 (53). S. 8–26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25638839_79929025.pdf (data obrashcheniya: 04.02.2017).
2. *Doveryaete li Vy vlasti?* // Chernovik. 2017. 27 yanv. URL: <http://chernovik.net/content/politika/doveryaete-li-vy-vlasti> (data obrashcheniya: 04.02.2017).
3. *V Moskve – ekstremizm... v Dagestane – terrorizm* // Chernovik. 2017. 4 fevr. 2017. URL: <http://chernovik.net/content/politika/v-moskve-ekstremizm-v-dagestane-terrorizm> (data obrashcheniya: 16.02.2017).
4. *Prolivat' slezy bespolezno* // Chernovik. 2017. 10 fevr. URL: <http://chernovik.net/content/politika/prolivat-slyozy-bespolezno> (data obrashcheniya: 11.02.2017).
5. *Aibatov M.M.* O nekotorykh prichinakh sistemnogo politiko-pravovogo krizisa na Severnom Kavkaze i puti ego preodoleniya // Yuridicheskii vestnik DGU. T. 21. 2017. №1. S. 7–11.
6. *Popova A.V.* Grazhdanskoe obshchestvo i lobbizm kak instituty gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii // Yuridicheskaya mysl'. 2014. № 6 (86). S. 34–38. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_23035523_35383584.pdf (data obrashcheniya: 04.02.2017).
7. *Abdulhabirov M.* Kakaya Rossiya prishla v Dagestan? Obrashchenie k novomu glave Dagestana. URL: <http://flnka.ru/digest-analytics/17144-kakaya-rossiya-prishla-v-dagestan-obraschenie-magomeda-abdulhabirova-k-novomu-glave-dagestana.html> (data obrashcheniya: 20.12.2017).
8. *Zhelonkin A.D.* Gosudarstvenno-pravovaya funktsiya konsolidatsii sovremenno rossiiskogo obshchestva: osnovnye tendentsii razvitiya // Novyi universitet. Ser.: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2017. № 3-4 (72-73). S. 31–34. <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-gosudarstva-i-prava-kak-osnova-integrativnogo-gosudarstvenno-pravovogo-vozdelystviya-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve> (data obrashcheniya: 04.02.2017).
9. *Drozдова А.М.* Tsennosti grazhdanskogo obshchestva i pravovaya kul'tura // Yuridicheskii vestnik DGU. T. 22. 2017. № 2. S. 14–18.
10. *Galikeeva I.G.* Grazhdanskoe obshchestvo i problemy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. T. 2. № 48. S. 38–43.
11. *Ruvinskii R.Z.* Problemy gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa // Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii. 2014. № 2 (2). S. 62–64.

-
12. *Aibatov M.M.* O roli moral'no-nravstvennykh norm v regulirovanii obshchestvennykh otnoshenii narodov Severnogo Kavkaza: istoriya i sovremennost' // *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2016. № 5. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=8481:2016-11-14-09-45-59&catid=113:2010-06-22-05-55-3&Itemid=209) (data obrashcheniya: 04.02.2017).
13. V karmanakh pusto, a v statistike – gusto // *Nezavisimaya gazeta*. 2017. 5 yanv. URL: http://www.ng.ru/editorial/2017-01-25/2_6911_red.html (data obrashcheniya: 04.02.2017).
14. *Ponarin P.V.* Terror kak problema gosudarstvenno-pravovogo razvitiya: istoriko-pravovoi analiz // *Destruktivnoe vliyanie terrora na politicheskuyu sistemu i pravovuyu sredu Rossiiskogo gosudarstva: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf. / pod red. O.I. Cherdakova*. 2017. S. 329–332.

Поступила в редакцию 15 января 2018 г.
Received 15 January, 2018